

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА

А.А. Иванова, профессор

кафедра Философии МИТХТ им. М.В. Ломоносова

e-mail: volya4@mail.ru

С

татья посвящена анализу раздела работы Д.И. Менделеева «Заветные мысли» – «Мировоззрение». Показывается, в чем, по мнению Менделеева, состоит связь философии и естествознания, насколько важной для себя он считал эту проблему

In this paper, the section «World outlook» of D.I. Mendeleev's book «Cherished Thoughts» is analyzed. It is shown, what, in Mendeleev's opinion, is the connection between philosophy and science, how important the problem was for him.

Ключевые слова: мировоззрение, философия, познание, истина, скептицизм.

Key words: world-outlook, philosophy, theory of knowledge, truth, skepticism.

В теоретическом наследии большого ученого несомненный интерес представляет всё: и его непосредственный вклад в те разделы науки, которыми он занимался, и многообразие его взглядов в целом, и, конечно, его мировоззрение, то есть те взгляды на жизнь, которые определяли его отношение к современному ему ходу событий, и, разумеется, выражали истолкование процесса познания, назначения науки и другие связанные с этими вопросы.

В написанном Д.И. Менделеевым важно и во многом до сих пор актуально понимание им этих проблем. В основе написанного – его собственные взгляды на мировоззренческие проблемы, его философские позиции. Именно так он сам и рассматривал их. Заклучая свою работу «Заветные мысли», Д.И. Менделеев писал: «Не могу, даже просто смелости у меня такой не хватает, закончить изложение своих «Заветных мыслей», не попытавшись передать своих исходных положений, выработавшихся всею совокупностью испытанного и узнанного в жизни, так как этими положениями не прямо, а косвенно определяется все мое изложение» [1, с. 408]. В этой работе он разъяснял свои философские позиции, суть своего мировоззрения. (Возможно, судя по истории этого текста, он предполагал дальнейшее уточнение понимания поднятых им принципиальных проблем).

Менделеев был ученым с ярко выраженным, присущим лишь выдающимся исследователям, упорядоченным миропониманием, мыслителем, сознающим всю важность теоретической ответственности научных заключений и пределов их истинности. Обоснование им своего мировоззрения носило полемический характер, оно было направлено против всего чуждого его взглядам и, как он был убежден, в частности, чуждого науке миропонимания скептицизма, достаточно влиятельного в конце XIX – начале XX вв.

Для Менделеева было важно не просто отвергнуть философский скептицизм, но и, что особенно существенно, объяснить свое неприятие его, а для этого – объяснить свое понимание научного познания и, в противовес этому пониманию, показать скептицизм как опасную теоретико-познавательную позицию, опасную для науки и общества в целом. Объяснение, которое дает Менделеев, представляется исключительно интересным для философии науки в целом ряде аспектов.

Прежде чем перейти к анализу этого объяснения, важно, на мой взгляд, уточнить употребление понятия скептицизма Менделеевым в данном тексте. Речь не идет у Менделеева о возможности и правомерности критического, и в этом смысле скептического отношения к тем или иным теоретическим позициям вообще. Тем более, что вся работа Менделеева «Заветные мысли» содержит пересмотр целого ряда существовавших теоретических позиций по многим вопросам. Она полемическая и новаторская. Новаторскими были фундаментальные его идеи в целом, что, разумеется, означает прекрасное понимание им важности скептического, критического отношения к ряду утвердившихся в познании и жизни идей. В этой работе он высказывает и обосновывает свои собственные истолкования многих процессов истории, в частности, русской истории, он создает убедительную концепцию образования, которую считает важной для развития России. Труд «Заветные мысли» является глубоким экономическим исследованием, содержит актуальные и для нынешних дней мысли о назначении власти и политики. Анализ экономических, политических, исторических, образовательных процессов сопровождается в этой работе Менделеева интересными для науки социально-психологическими идеями. Позиции скептицизма в их декартовском понимании как сопровождающего исследования сомнения присущи любому

подлинному ученому. Это позиции неизбежного пересмотра всего того в науке, что оказывается препятствием на пути прогресса. Скептицизм как способность к критическому анализу, как противодействие догматизму и застою ничего общего не имеет с тем скептицизмом, который несет с собой идею сомнения в возможности достижения истинного знания как такового. Такой скептицизм связан с неадекватным истолкованием познавательного процесса, прогресса науки. Против подобного скептицизма как мировоззренческой позиции была направлена критика Менделеева.

Возникновение и особенно возрождение скептицизма Менделеев связывал с рядом гносеологических и социально-психологических процессов. Прежде всего, он высказывал мысль о том, что в основе скептицизма лежит смещение конкретно научного и философского знания, что может быть связано с путаницей в истолковании прогресса в познании. Период становления и популярности позитивистских идей не мог не породить скептицизма, связанного часто с абсолютизацией любой, претендующей на глобальность, идеи.

Менделеев, что особенно важно отметить, отчетливо видел различие между философским и конкретно-научным знанием. Непонимание этого неизбежно, как показал он, ведет к серьезным теоретико-познавательным заблуждениям.

Физика и философия – разные вещи, тогда как, писал он, «от физики до метафизики теперь стараются сделать расстояние до того обоюдно ничтожно малым, что в физике, особенно после открытия радиоактивности, прямо переходят в метафизику, а в этой последней стремятся достичь ясности и объективности физики. Старые боги отвергнуты, ищут новых, но ни к чему сколько-либо допустимому и цельному не доходят; и скептицизм узаконяется, довольствуясь афоризмами и отрицая возможность цельной общей системы» [1, с. 408].

Возникает вопрос о том, какую переоценку ценностей имел в виду Менделеев. В первую очередь, как видно из его рассуждений, пересмотр взглядов на идею первоосновы, первоначала, заключающуюся в попытке придать глобальной идее конкретный характер, отражающий последние естественно-научные открытия. В этом случае, наряду с этими попытками, на волне теоретического произвола, подкрепленного идеями реальных научных открытий, возникают самые разнообразные субъекти-

вистские толкования великой идеи первоначала. Менделеев писал, что в его время имеет место связанное с «переоценкой» сосредоточенное стремление «найти вновь как-то затерявшееся «начало всех начал», исходя из какого-то абстрактного единства, будь оно энергия вообще, или, в частности, электричество, или что-либо иное – только не древнее исходное начало, Богом наименованное» [1, с. 408].

Великая идея может породить самые различные последствия в ее истолковании. Идея единства мира, так или иначе, объединяет ученых разных времен, они всегда отдавали должное древнегреческим мыслителям, положившим начало этим поискам в науке и философии. Десятилетия спустя после Менделеева в связи с осмыслением складывающейся на основе новейших открытий в физике естественнонаучной картины мира выдающиеся физики XX столетия детально обсуждали философский и научный смысл идеи первоначала, уходящей своими корнями в древнегреческую философию. Так, В. Гейзенберг писал о том, что естествознание XX столетия во многих отношениях даже «примыкает» к древнегреческой натурфилософии, возвращаясь к тем проблемам, которые пыталась разрешить эта философия в своих первых попытках понять окружающий мир... Гейзенберг выяснял место древнегреческих образов атома в развитии представлений о субстанции как понятии, отражающем убеждения философов о существовании чего-то неизменного и сохраняющегося и представленного тогда в философском образе первовещества. Близкая позиция была и у Н. Бора, который писал о том, что на заре развития науки возникла атомная теория, выражающая стремление достигнуть «всеобъемлющего представления о великом разнообразии явлений природы».

Идея целостной картины мира как никому другому была близка автору Периодической системы элементов. Впоследствии Н. Бор, оценивая именно с этой точки зрения значение сделанного в науке Менделеевым, писал о том, что развитие физики в XX веке дало «полное объяснение замечательным зависимостям между физическими и химическими свойствами элементов, – зависимостям, выраженным в знаменитой таблице Менделеева». Он подчеркивал, что именно такое толкование свойств материи казалось не только осуществлением древнего идеала пифагорейцев свести всё к числам, но и превосходило эти мечты.

Менделеев стремился к адекватному с научной и философской точек зрения истолкованию этой идеи единства мира. Искажение смысла этой идеи, был убежден Менделеев, неизбежно ведет к скептицизму. Он писал: «Современный научно-философский скептицизм берет свое начало из вековечно существовавшего и долженствующего вечно существовать стремления людей признать единство всего внутреннего и внешнего мира, что и выражено в признании единого Бога и в стремлении это исходное понятие об «едином» по возможности реализовать или узнать ближе. Первое признавать правильным, по мне, совершенно необходимо, а второе во всех отношениях неправильно, недостижимо и к скептицизму-то и приводит» [1, с. 409]. Таким образом, Менделеев видел основания скептицизма в смешении абстрактного и конкретного, в попытке сведения абстрактного к конкретному (в конечном счете, по своему произволу), в примитивном толковании идеи всеобщего и бесконечного. «Стремление реализовать так или иначе «единое», или «единство», есть естественное следствие пытливости, и за последнее время оно приобрело особую напряженность, когда успехи в реальных науках стали не только явно возрастать, но и быть видными даже в ежедневной жизни» [1, с. 409]. Однако, по мнению Менделеева, это стремление «реальным требованиям разума очень мало отвечает, потому что вечное, общее и единое во всяком случае логически выше реального, которое познается лишь во временном, частном и многообразном лишь разумом и в отвлечении обобщаемом, что и составляет область наук, а в их числе и философии, если она не становится на ходули науки наук... Очень должна быть велика путаница мысли, когда с научными приемами хотят найти реализацию высшего единства, одним реальным выразить множество реальностей или отвлечений» [1, с. 409].

Исходя из тех существенных различий, которые существуют между философией и конкретными науками, Менделеев понимал, что научный прогресс и прогресс в философском знании не совпадают, хотя и связаны между собой. Он осознавал поэтому теоретическую опасность смешения абстрактного и конкретного, единого и многого как в плане онтологическом, так и в аспекте гносеологическом, неразрывно связанных между собой. Подобное смешение неизбежно, как видел Менделеев, ведет к теоретическим провалам, и скептицизм – одна из разновидностей подобных провалов. Результаты тако-

го смешения приводят их авторов к тупикам, и они «впадают в скептицизм по отношению ко всем и всяким обобщениям, конечно, кроме слов, которые сами по себе не что иное, как первичные обобщения. Реализация, какая бы там ни была, обобщения, – продолжал свои рассуждения Менделеев, – столь отвлеченного, как общее «единое», или «единство», просто-напросто противоречит самому духу наук и ни к чему, кроме сомнений скептицизма, приводить не может. Порок тут вовсе не в самой идее единства, а только в стремлении его реализовать в образы, формы и частные понятия» [1, с. 410].

Менделеев понял великую философскую истину о том, что общее не сводимо к единичному в любых случаях. Он писал: «Никогда этого не достичь по самой логике дела, а общее «единое» не следует и пытаться представить ни в таких материальностях, как вещество или энергия, ни в таких реальностях, каковы разум, воля, индивидуум или ж все человечество, потому что и то и другое должно охватываться этим общим «единым», и то и другое составляет лишь предметы обобщающих наук» [1, с. 410].

Стремление к отождествлению науки и философии, их методов исследования сопровождает все развитие научного и философского познания. Как показывает история познания, прогресс в знаниях сопровождался мировоззренческим освобождением от подобного отождествления. Однако в каждое время возникали и существовали свои собственные предпосылки для перенесения характеристик науки на философию и наоборот. Менделеев понял суть познавательных ошибок и опасность, которую они с собой несут. Он при этом осознавал важность научного и философского объяснения гносеологической ситуации, сложившейся в начале XX столетия и ведущей к проблемам, в своих последствиях выходящим за рамки теоретического познания.

Проблемы философии науки в анализе Менделеева приобретают принципиальный характер. Он писал: «Итак, я объясняю скептицизм тем, что неразумность заставляет науку, обобщающую реализм и выводы предсказаний его покоряющую на пользу людскую и тем к реальности возвращающую, – заставляет науку относиться с теми же приемами к своим крайним обобщениям. Да этого делать-то не следует, потому что научные обобщения не есть уже меняющаяся безграничность или реальность, а ограничены тем, что удалось изучить...» [1, с. 410]. Примечательно, что при этом Менделеев

вспоминает замечательный философский образ бесконечности познания, принадлежащий Ньютону, о науке, исследующей лишь песчинки на «берегу океана неизвестного», на который опять же не случайно в противовес позитивистским тенденциям в философии ссылался впоследствии в одной из своих работ В. Гейзенберг.

Менделеев прекрасно понимал значение глубокой образованности, на основе которой только и возможно существование традиции, без которой, в свою очередь, невозможно развитие культуры в противовес всякого рода псевдокультуре. У человека может возникнуть стремление к эйфорическому искажению подлинного значения того или иного открытия, недостаток общей культуры подкрепляет это искажение. При этом может возникать забвение традиции, в рамках которой культура существовала и будет существовать, идет ли речь о науке или философии, или о чем-либо ином в культуре. Идея новизны может захватывать сознание настолько, что при этом искажается подлинная оценка этой новизны. Менделеев писал о том, что выпадение из традиции неизбежно ведет к духовным провалам, а те, в свою очередь, к скептицизму. Он подчеркивал: «Это очень печально отражается в философии, пошедшей за Шопенгауэром и Ницше, в естествознании, пыгающемся «объять необъятное» по образцу Оствальда или хоть Циглера... в целой интеллигенции, привыкшей держаться «последнего слова науки», но ничего не могущей понять из того, что делается теперь в науках...» [1, с. 408].

Менделеев четко обозначил проблему, не только не утратившую своей актуальности, но, наоборот, приобретающую все большую актуальность по мере развития науки. Действительно, прогресс науки порождает не только легковесность суждений относительно результатов познания, но и различного рода спекуляции на этих результатах. Менделеев писал по этому поводу: «Но так как в республике науки «свобода» мнений обеспечена до такой степени, что нет и попыток спрашивать большинство ни тайно, ни явно, то говорить от имени науки волен не только каждый, чему-либо учившийся, любой писатель, писака и фельетонист, но и простой проходимец, а потому заблудиться в «последних словах науки» чрезвычайно или до крайности легко» [1, с. 411].

Естественно, важен критерий, по которому можно было бы отделить науку от псевдонауки, научные идеи от шарлатанства. Осознавая всю сложность проблемы, Мен-

делеев писал о том, что не существует врожденного чутья для такого различения, что можно, разумеется, констатировать, что «спокойная скромность утверждений обыкновенно сопутствует истинно научному, а там, где хлестко и с судейскими приемами стараются зажать рот всякому противоречию, истинной науки нет, хотя бывает иногда и художественная виртуозность, и много ссылок на «последнее слово науки» [1, с. 411].

Поднимая эту проблему, Менделеев подчеркивает две ее грани. Прежде всего, он пишет о соотношении категорий наука и истина: цель науки – только истина, конкретные естественные науки имеют своим позитивным результатом достижение конкретных, «частичных» истин. Это предполагает признание бесконечности познания, «громкости массы совершенно неизвестного», которая и обуславливает бесконечность ее познания, но вместе с тем невозможность выйти за пределы конкретных результатов на каждом отдельном этапе познания. «Новое искание истин – это только и есть наука, но из этого вовсе не следует, что она сводится к «последним словам» [1, с. 411]. Критерий истины, по Менделееву, – прежде всего, практика, в том числе и практика развития научного познания. В первую очередь, Менделеев ссылается на наблюдение, опыт, имея в виду опыт в его развитии. Он писал: «Почитайте-ка, как Коперник или Ньютон проводили найденные ими истины, – убедитесь. Наука истинная как будто говорит или советует: «пожалуйста, не верьте на слово и постарайтесь только проверить», – оттого со своей стороны не могу не высказать совета: за науку настоящую считайте только то, что утвердилось после сомнений и всякого рода испытаний (наблюдений и опытов, чисел и логики), а «последнему слову науки» не очень-то доверяйтесь, не попытавшись, не дождавшись новых и новых проверок» [1, с. 411].

Только призывая бесконечное пространство научного познания, Менделеев обращается к проблеме начала, единого, общего, которая порождает самые разные толкования, в том числе отвергаемые им попытки сведения этого общего к конкретному. Этот вопрос представляется исключительно важным для Менделеева по своему философскому смыслу. Познание не может ограничиваться, убежден Менделеев, собиранием частных, накоплением конкретных знаний. Именно накопление знаний порождает необходимость в их осмыслении. Он пишет: «Ведь где-нибудь да кончатся же обобщения разума? Не сводится же вся его веками собираемая в

науке работа на одну разработку частных? Где же грань современных разумных обобщений, если не в «едином» общем? Вот тут вопрос мировоззрения, задача того разряда мыслей, по которому сыздавна отличают такие просто прикладные науки, как медицинские, инженерно-технические и юридические, от философских, куда относят не только саму философию, филологию и историю, но и все математические и естественные науки» [1, с. 410].

При всем подобном расширительном использовании здесь термина «философский», что, разумеется, требует уточнения, учитывая, что Менделеев обычно употребляет этот термин и в собственном, традиционном его истолковании, для нас важно именно то, как ученый рассматривает взаимоотношение между двумя категориями знания. Кроме того, нельзя не принимать во внимание и тот факт, что для Менделеева философия и философские науки совсем не одно и то же. Этот подход Менделеева к соотношению знания философского и прикладного сводится к следующему: «Первые со вторыми связаны так тесно, что в этой тесноте запуталось много умов, но простой здравый смысл ясно сознает, что прикладные науки движутся философскими и в то же время философские науки разрабатываются только потому, что их хотя бы и тусклый свет все же освещает пути жизни, т.е. служит на пользу и прямо и косвенно – через посредство прикладных наук» [1, с. 410–411].

Итак, Менделеев строго разграничивал науку и ее истолкование, результаты научного познания и интерпретации этих результатов. Мировоззренческие позиции, с его точки зрения, играют важнейшую роль не только исходного для познания фактора, они сопровождают весь поиск истины и обобщают результаты познания. Поэтому вопрос о том, каковы эти мировоззренческие позиции, неизменно важен. «Наука истинная» или ложные истолкования ее результатов, – выбор позиции неизменно приводит к мировоззренческим проблемам. Эта идея обосновывается Менделеевым с большой убедительностью.

Скептицизм, как подчеркивал Менделеев, – опасное для науки мировоззрение.

Он вызывал неприятие Менделеева как потому, что он основан на искажающем познание подходе к нему, так и потому, что вел к опасным для науки и общества

последствиям. Скептицизм становится основой для теоретического разброда и шатаний, для мыслительного произвола, который великий ученый противопоставлял подлинному многообразию мнений, возникающему в процессе искания истины. Мировоззренческая смута в умах может только уводить от дальнейшего искания истины в науке и в жизненных устоях. Ученый всегда смотрел вперед, его интересовала перспектива любого социального процесса, поэтому его волновал тот факт, что научная молодежь оказывается под непосредственным влиянием скептицизма порождающего массу мнений, которые независимо от их истинности, претендуют на полное равноправие в науке. Он писал: «...печальнее же всего господствующий скептицизм отражается на потерявшей молодежи, так как ей самой, как она знает, зачастую приходится разбираться в явных противоречиях между тем, что она читает и слышит в разных аудиториях одного и того же факультета, что и заставляет молодежь считать себя судьями, а своих учителей, либо одного, либо обоих, – отсталыми, у них опоры ищущими, и только ценить «свободу», понимаемую в виде свободного халата» [1, с. 408]. Философский смысл этого заключения Менделеева, как видно, выходит и за рамки гносеологической конкретной ситуации, и за рамки времени, приобретая характер плодотворного обобщения. Скептицизм губит устои, считал Менделеев. Будь то устои древнего мира, прошлого или устои современности. Менделеев, как и Декарт, считал, что основания, фундамент в социальных явлениях, традиционно оправдавших себя, разрушать опасно.

В «Заветных мыслях» Менделеев поставил еще одну проблему. Это проблема о научном и сверхнаучном, о возможной границе научной области. Менделеев обозначил эту проблему, отметив, что сознательно не обосновывает своей позиции. «Развивать здесь эту тему вовсе не думаю, даже предпочитаю остаться неясным, но высказать ее в «Заветных мыслях» считаю необходимым», далее поясняя, что некоторые ошибочно полагают, что «занимаясь веществом и силами, ему свойственными, естествоиспытатели не признают духа, все сводят на вещество и силы» [1, с. 412]. Как показывает история развития познания, эта проблема не лишена смысла.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Менделеев, Д. И. Заветные мысли : Полное издание / Д. И. Менделеев – М. : Мысль, 1995. – 413 с.